

Да

АКТЕР, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

10

ОКСАНА
КОРНЕВА

ПРИМАДОННА

Дом Актера. - 1993. - Сент. выпуск -
с. 10-11.

ОЛЬГА ОСТРОУМОВА

То, что Михаил Афанасьевич Булгаков своих «отдельных честных белогвардейцев» (так выразился по адресу персонажей «Дней Турбиных» некий критик булгаковских времен) не разоблачал, мы давно уже знаем и никаких разоблачений от режиссеров не ожидаем. Теперь пришло время опасаться, что из нас будут выжимать слезу «над урной бедной». Так и вышло — «честные белогвардейцы» стали персонажами спектакля какого-то «не до жанра».

А зрители, краем уха слышавшие, что театр Моссовета сначала затевал по «Белой гвардии» мюзикл, а в процессе отказался от этого, все же следы произведенной работы интуитивно почувствовали — не слишком тщательно они замечены. И обернулось это «недожанром» — «недооперой».

Говорят артисты голосами ненатуральными, пусть бы лучше, думаешь, пели или речитативом объяснялись. А уж когда «маленький» — по Булгакову — и

мощно сложенный, импозантный по-оперному — в спектакле — Шервинский оказывается столь фронтально незатейливо поглощенным собой, то публика окончательно решает — а вот душка-тенор, хотя «Эпиталаму» поет баритоном, громко и не чисто. Мрачноватый и как бы «приблатненный» Алексей Турбин годится на партию драматического тенора, правда соло не поет, лишь в хоре — «Боже, царя храни...» Еще Николка с гита-

рой и частушками про дачниц... Вот и вся музыка, а нечто неистребимо оперное, фальшивое растворено в плоти спектакля. А многофигурный финал концентрирует это «нечто» и выводит наружу: все персонажи — живые и мертвые — выходят из тьмы, рассаживаются в доме Турбиных и молча, многозначительно смотрят нам в глаза: дескать, поняли?

Да, поняли, уже давно поняли. А зритель, что наготове носовой платок де-

Да

А

ржал, быстро его сухим в карман заталкивает. А жаль — стараний было приложено немало, чтоб «...и прослезиться».

Но есть в спектакле Примадонна! Из совсем другой оперы. Не из оперы вообще.

Уж мало осталось тех, кто имеет право воскликнуть: «Ах, Соколова тех первых мхатовских «Дней Турбиных!» Там, говорят, все было — и красота, и нежность, и гордость и sexappeal».

Мне лично не везло — в подлинности всех ранее виденных Елен сомневалась — и рыжесть ненастоящая, и красота галантерейная, уж какие там букеты венками от поклонников! А чтоб по-английски или на фортепьяно — где им, бедняжкам!

В том, что моссоветовская Елена подлинник — сомнений не возникало. Одно слово — обворожительна. Так небрежно изящен пук золотых — рыжих! — волос, так и мелодичен и нежен голос, так слабы белые маленькие руки. Так скромна и горяча, так нервна и горда. Такое глухое платье, так зябко кутается в платок. С ума сходит Шервинский, восторженно обожание Ларисика, как тигр из засады готов броситься на защиту и помочь Мышлаевский. Умна ли? Не знаю, но ум быстрый, легкий, изящный. В обращении аристокрически просто, в своих порывах естественна и лукава — эх, была — не была! и самозабвенно целуется с Шервинским. И водочки с горя выпьет, и самоварчик поставит, и раненого-недужного выходит. А уж по-английски или на фортепиано — какие там сомнения! О ней одной в этом спектакле возникает тревога, к ней одной испытываешь сострадание.

Что ждет ее, русскую женщину хороших кровей и домашнего хорошего воспитания в надвигающейся тьме? Разделит ли она судьбу с Шервинским, гибкость натуры которого даст ему шанс выжить, или бросит ее «маленький улан» где-нибудь в Константинополе или Париже? Может, повторит она судьбу Серафимы из «Бега» или леоновской «Evgenii Ivanovni» и кто-то «с планеты чужой» оценит ее прелесть, кротость и стойкость.

Как у истинной примадонны, у Ольги Остроумовой нет ни единой фальшивой ноты.

1993

Остроумова Ольга